

Ю.Н. Тимкин

Особенности становления женотделов в провинциальных организациях РКП(б) в 1918–1921 гг. (По архивным материалам Вятской губернии)

Y.N. Timkin

Features of the Formation of Women's Departments in Provincial Organizations of the Russian Communist Party (Bolsheviks) in 1918-1921 (Based on Archival Materials from the Vyatka Province)

Тема участия женщин в политической жизни России в первые советские годы продолжает вызывать устойчивый интерес исследователей, что обусловлено сложностью и многообразием аспектов. После 1991 г. тема женской политической эмансипации постепенно стала приобретать все большую актуальность в связи с гендерными исследованиями. Назовем, прежде всего, работы, в которых освящены общие вопросы женского освобождения и формирования первой гендерной модели в 1920–1930-е гг.¹. И.В. Алферова пришла к выводу, что «только военная опасность и угроза голода заставили в 1919 г. лидеров партии согласиться на организацию в рамках ЦК РКП(б) и в парткоммах на местах женотделов»². Различным гендерным аспектам политической культуры России посвящены многочисленные исследования. В частности, А.Ю. Котылев, анализируя гендерный аспект раннесоветской культуры, обратил внимание на то, что женщина-коммунистка первых советских лет ориентируется на стандарты партии большевиков как «мужского союза»³. На это обстоятельство указала и Ю.В. Градскова⁴. О.М. Морозова и Т.И. Трошина выявили причины женского социального и политического активизма в годы революции и Гражданской войны, связав их с последствиями индустриализации, первой мировой войны, «общего роста социальных движений после Февральской революции»⁵. В работах Н.А. Бороздиной была проанализирована деятельность женотделов Архангельской и Вологодской губерний в 1919–1929 гг.⁶, О.М. Долидович – женотделов Енисейской губернии в 1921–1930 гг.⁷. Исследования по данной теме в местной историографии единичны⁸.

Методология. В основу исследования были положены принципы историзма и ряд методов исследования. При рассмотрении процесса формирования женотделов использовался метод исторического институционализма. Женотделы, возникшие в 1919 г., стали составной частью правящей партии как ведущего идеологического

института страны. Метод микроистории применим для рассмотрения судеб первых женщин-большевиц, так как он дает возможность исследователю нарисовать «автопортрет»⁹. Автор считает плодотворной подход Л.П. Репиной, включавшей «исследовательскую установку на изучение индивидуальной биографии... в качестве особого измерения исторического процесса»¹⁰. Для изучения мозаики архивных фактов, различных по своему содержанию и контексту, применим метод кейс-стади, так как он позволяет воссоздать то или иное историческое событие.

Цель данной статьи – анализ процесса становления отделов по работе среди женщин в организациях РКП(б) Вятской губернии в 1918–1921 гг.

* * *

Вятская губерния в начале XX в. оставалась слаборазвитым, преимущественно аграрным регионом с преобладающим сельским населением. Города являлись административно-торговыми центрами с небольшим числом рабочих, главным образом, кустарных и мануфактурных предприятий. В 1913 г. горожане составляли в регионе лишь около 3,5 % населения¹¹. В регионе царила патриархальная культура, в которой, как известно, женщине отводилась роль домашней хозяйки, воспитательницы детей. В крестьянской среде женщина, наоборот, была широко вовлечена в хозяйственную жизнь, что нельзя сказать об общественной деятельности. Так, среди крестьян Яранского уезда даже в 1925 г. «не заведено, чтобы женщины на собрания ходили...»¹². С середины XIX в. наметилась тенденция вовлечения женщины города в общественную деятельность в рамках формирующейся системы земского народного образования, здравоохранения, культуры. В начале XX в. в городах стали возникать женские общественные организации. Революция 1917 г. способствовала пробуждению женской политической активности. В Вятке 8 апреля образовался «Вятский союз женщин», насчитывавший во второй половине мая 122 члена, которые принадлежали к интеллигенции и состоятельным слоям общества¹³. В первые революционные годы одной из форм самоорганизации женщин стали Союзы солдаток. 8 июня 1917 г. в Вятке состоялось собрание «Союза солдаток», организатором которого выступила большевичка Клавдия Петровна Белобородова, уроженка слободы Кукарки. В молодости она трудилась кружевницей, потом увлеклась революционными идеями. От Союза солдаток в январе 1918 г. она была избрана в Вятский революционный трибунал, где активно участвовала в расследовании деятельности меньшевиков и саботажников¹⁴.

* * *

В деятельности губернской организации РКП(б) по вовлечению в ряды женщин можно выделить два периода. В 1917–1918 гг.

– время стихийного включения женщин на волне революции и начала Гражданской войны. В 1919–1921 гг. работу по организации женщин вели самостоятельные отделы в партийных комитетах – так называемые женотделы. Партийное руководство страны, «с одной стороны, декларировало права женщин, инициировало массовую женскую активность, с другой стороны, всемерно стремилось ограничить самостоятельность женских организаций и структур, осуществляло жесткий контроль и, в конце концов, не умея и не желая воспользоваться огромным потенциалом женского лидерства, отказалось от этих форм работы»¹⁵.

В губернской организации РКП(б) в 1917–1921 гг. преобладали сугубо патриархальные отношения, о чем сохранилось сообщение представителя Уральской областной организации А.П. Спундэ, прибывшего в 1921 г. для проведения партийной чистки. Он так характеризует атмосферу: «Совершенно нет привилегий. Был у ряда совбуров (советские бюрократы. – Ю.Т.): живут весьма и весьма скромно, пайки тугие. Сами характеризуют введенный им режим как жестокий; одеты скромно, ни одного кожаного костюма...; едят по-монашески. Последнее меня даже слегка пугает...»¹⁶. Примечательно сравнение с монастырем: на первом месте – вера в революционную идею, прочь все «мелочи» жизни. Партийцы были вооружены, проходили военное обучение. В целом ряде организаций существовали общежития для партийцев-холостяков. Молодым крестьянкам довольно трудно было найти в партийных организациях свое место: нужно было преодолеть многочисленные культурные барьеры.

Первые женщины-большевички в 1917–1918 гг. В дореволюционный период женские гендерные характеристики поведения в социуме формировались под воздействием множества факторов: национальной принадлежности, религиозного компонента, региональных особенностей и в целом ее роли в домохозяйстве. Очень показательно в этом отношении известное высказывание Л.Н. Толстого: «видеть молодую женщину, готовую к деторождению, но занято мужским трудом, все равно, что видеть драгоценный чернозем, засыпанный щебнем для плаца или гулянья»¹⁷.

Поворотным моментом в отношении прав женщин в советскую эпоху стал процесс проведения целенаправленной политики в отношении женского пола. Военные действия Первой мировой и Гражданской войн вынудили правительство активно привлекать женщин к военным действиям в качестве сестер милосердия, санитарок, бойцов действующей армии, агитаторов. В мае 1917 г. В.И. Ленин отмечал: «Без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной, поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализ-

ме, но и о полной и прочной демократии»¹⁸.

Удаленность Вятской губернии от фронтов Первой мировой войны несколько замедлила процесс включения женщин в политическую жизнь. Этому способствовал и крестьянский социальный состав населения региона с сохранявшимися консервативными ценностями. «Революция по телеграфу» – так называли события февральского революционного переворота в Вятке – внесла оживление в местную жизнь. Так, 8 июня 1917 г. в Вятке прошло собрание «Союза солдаток», 10 июня – Союза студентов и курсисток, 16 июня – Союза женщин.

В Вятке в марте – апреле 1917 г. работу в городской организации РСДРП(б) вело несколько человек. Среди них отметим местных студенток В.В. Зубареву, Е.А. Грязеву и И.О. Гребеневу. После октябрьского революционного переворота, по воспоминаниям ветерана партии В.С. Белобородовой, «... в Вятской городской организации большевиков... девушек было только двое: Катя Грязева и я. Правда, вскоре вступили в партию из Союза солдаток К. Белобородова, Скопина, Загоскина и другие»¹⁹. В местной небольшевистской прессе летом 1917 г. образ первых большевичек приобрел подчеркнuto негативный характер. В фельетоне «Большевичка» нарисован образ Лизочки из небедной семьи, выступавшей на митинге в Вятке: «неясность, непонимание преследуют ее». Толпа «глухого городишка потная, грязная... слушала ее торопливые и растерянные речи, лузгала семечки и как то неопределенно мычала в ответ на ее призывы»²⁰.

В 1918 г. Валентину Белобородову, активистку «Союза солдаток», направили на работу в уездный город Нолинск. Там «сначала я одна была в рядах большевиков. В столовую во время обеда приходили кое-кто из любопытных посмотреть на девушку-большевичку, приехавшую из губернского города, стриженую, в треухе (ушанке)»²¹. После I губернского съезда женщин (начало апреля 1919 г.) В.С. Белобородова стала членом Нолинского бюро работниц. Такие женщины-большевички, как отмечал А.Ю. Котылев, выглядели «мужеподобно», они «хорошо вписывалась в военизированную культурную среду, но не в обычную жизнь»²². Неслучайно, Валентина Белобородова некоторое время в 1918 г. состояла сотрудницей Вятской губернской ЧК.

Большевичку Марфу Дунину судьба забросила в уездный город Орлов в начале 1918 г. Во всяком случае, 17 июля 1918 г. она уже состояла секретарем городского комитета РКП(б)²³. Позднее она вспоминала: когда приехала в город, то «долго искала комитет партии и не нашла»²⁴. Бюро труда направило ее «сторожикой в местный военный комиссариат». Вскоре после устройства на рабо-

ту вечером к ней «вдруг входит выпивший военком И.В. Маренин и делает гнусное предложение вступить с ним в интимную связь». При этом говорит, что «богат, будет материально помогать». На замечание Дуниной, что такое предложение противоречит идеям социализма, Иосиф Маренин отвечал: «На кой черт мне социализм!». На замечание о голосе совести, отвечал: «На что мне совесть и так жить хорошо». Со следующего дня со стороны Маренина начались «мелочные придирки, преследования... Пошли сплетни, грязь». Дунина открыто рассказала об этом на партийном собрании Орлова 12 ноября 1918 г., воскликнув: «Я никогда не подвергалась подобным нападкам и не видела подобной грязи, как в Орлове». Для расследования дела Маренина, обвиненного не столько в оскорблении Дуниной, сколько в участии в конфликте между партийным комитетом и уездным исполкомом, вспыхнувшим в ноябре 1918 г. в Орлове, была создана комиссия.

На партийном собрании 4 декабря 1918 г., когда встал вопрос о Маренине, член следственной комиссии П.Ф. Чикишев заявил, что «все происшедшее (между Марениной и Дуниной) было основано на личных счетах». Дунина пыталась получить объяснения со стороны Маренина и Чикишева, но ей не дали слова²⁵. Возможно, сказалась мужская солидарность. Комитет партии 5 декабря 1918 г. «препятствий для вступления в члены партии Маренина не нашел»²⁶, а 30 января 1919 г. обвинил Дунину в «деморализации» общего собрания членов РКП(б) и исключил из партии на 6 мес.²⁷

25 марта 1919 г. Марфа Дунина написала в комитет партии заявление с просьбой пересмотреть решение об исключении из партии, обосновывая тем, что признает свою вину и предлагает учитывать ее членство в партии с 1903 г. и то, что она «телом и духом принадлежит тому пролетариату, который борется за идеи коммунизма»²⁸. Комитет партии удовлетворил просьбу Дуниной и восстановил ее в партии. В ноябре 1919 г. на уездной конференции работниц-крестьянок Дунину избрали товарищем председателя конференции²⁹.

Этот случай отразил социокультурный конфликт в партии: Марфа Дунина осознавала себя идейной большевичкой, «товарищем», а некоторые мужчины Орловской городской парторганизации видели в ней представительницу противоположного пола, объект «вожделения», который обострялся в условиях военного времени. Дуниной пришлось приложить много усилий, проявить личное мужество, чтобы сохранить не только свою честь, но и занять достойное место в организации. При этом она смогла сплотить вокруг себя других женщин, направить их энергию на защиту своих прав.

Таисия Потехина, крестьянского происхождения, работала ткачихой в Иваново-Вознесенске. Ее властный характер усматри-

вадается уже в том, что заполняя партийную анкету, она написала в графе семейное положение: «Муж при мне»³⁰. Летом 1920 г., состоя в должности заведующей уездным женотделом Яранской парторганизации, она приехала на организационное собрание женщин Кикнурской волости. Обращаясь к собравшимся женщинам, среди которых наиболее активными были местные учителя, она заявила: «Интеллигенция – наши враги... Все они – саботажники». В ее речи были и грубые высказывания – «заткнуть бы им этой тряпкой рты», и нецензурные выражения. Возмущенные женщины написали заявление в уком партии с просьбой оградить их от таких организаторов. В итоге Потехину перевели на другую работу. В мае 1921 г., находясь в Советске, после истечения кандидатского стажа, ее приняли в партию.

* * *

В активную общественную деятельность в 1919–1921 гг. были втянуты тысячи женщин по всей стране. Партия особо приветствовала у женщин ораторский талант убеждения, инициативность, ненависть к классовому врагу. Иницилируя «женскую активность» партийные комитеты руководствовались не только стремлением вовлечь женщин в активную общественную жизнь, но и поручить такое дело, с которым женщины справятся. Конечно, главным инструментом инспирированной вертикальной мобильности становилось вступление в правящую партию.

В конце 1918 г. по постановлению ЦК РКП(б) при губернских комитетах были созданы комиссии по пропаганде и агитации среди женщин. В сентябре 1919 г. на их основе создаются отделы партийных комитетов по работе среди женщин (женотделы). В начале мая 1918 г. в структуре Вятского губкома действовало бюро работниц, но о его деятельности нам ничего неизвестно³¹. 27 октября 1918 г. состоялась I Вятская губернская конференция работниц и крестьянок, делегаткой которой с правом решающего голоса была Л.Н. Сталь, командированная ЦК РКП(б) для организации женского движения. 1 апреля 1919 г. в Вятке проходил I губернский съезд работниц и крестьянок. В программе съезда к специфически «женским» вопросам можно было отнести лишь охрану материнства, детства и женского труда и «как привлечь работниц и крестьянок к строительству новой жизни»³². Основным назначением женщины считалось участие в общественной, трудовой политической жизни молодой страны. На съезде было принято решение по организации бюро работниц в уездах и волостях. Перед бюро работниц была поставлена задача – «политическое воспитание работниц и привлечение их к делу строительства новой жизни»³³.

Создание женотделов происходило с большим трудом. По сло-

вам Сталь, «работа ведется плохо, опереться не на что». Губернское бюро работниц образовалось в октябре 1918 г., но в мае 1919 г. «эту работу пришлось начать снова». Инструкции, выработанные центром, к местным условиям «полностью не подходят»³⁴. Порой приходилось «заставлять делегатов делать доклады»³⁵. 1 апреля 1919 г. Вятский губком постановил: бюро женщин при партийных комитетах должны состоять из 3-х чел.; они избирались и утверждались на заседаниях соответствующих комитетов³⁶. Весной 1919 г. во всех уездных городах созываются собрания женщин и работниц, создаются бюро при укомах. Летом того же года предпринимаются попытки организации женщин в волостях. В начале осени в губернии насчитывалось 22 женские организации, из них большинство - беспартийные³⁷. Пленум губкома РКП(б) (сентябрь 1919 г.) выработал инструкцию по организации работы среди женщин-крестьянок в волостях губернии. В ней рекомендовалось созвать уездные конференции в ноябре 1919 г. где и рассмотреть практические вопросы организации волостных организаций женщин. Волостные женские секции создавались с трудом³⁸. В некоторых уездах, например, Малмыжском, кое-где они отсутствовали даже в 1921 г.³⁹. Можно было увидеть и другую картину. В Ново-Торъяльском волостном женотделе Уржумского уезда за 10 мес. (с октября 1919 по июль 1920 г.) проведено 30 субботников – шили белье для больных детей, 20 концертов и митингов, 5 спектаклей, организована школа грамотности и детские ясли⁴⁰. Заметную роль стало играть еженедельное приложение «День работницы» в газете «Вятская правда». По словам его создателя Людмилы Сталь, на местах оно читается «с захватывающим интересом»⁴¹.

После Гражданской войны роль женотделов «постепенно сводится лишь к агитационной деятельности по привлечению женщин в партию. Женотдел как организация, защищающая женские права и отстаивающая их интересы, становится все более формальной»⁴². В работе уездных женотделов в 1919–1920 гг. констатируется недостаток активных организаторов⁴³. Так, из доклада о работе волостных ячеек Нолинской уездной организации на заседании укома 9 декабря 1919 г. выяснилось, что работа «среди женщин почти не ведется»⁴⁴. В Вятке огромная заслуга в организации женского движения принадлежала Людмиле Сталь, которая осуществляла партийное руководство женским движением с конца 1918 по весну 1920 г. Несмотря на ее огромные усилия, создать хорошо функционирующий аппарат женотделов не удалось.

Состоянию работы среди женщин был посвящен один из вопросов, обсужденных на пленуме губкома РКП(б) (июнь 1920 г.). Из докладов с мест выяснилось, что в Глазовском женотделе «совсем

нет работников». В уезде существует только 2-3 волостные организации (на 46 волостей). В Уржумском и Яранском уездах работа среди женщин «почти не ведется». В Малмыже еженедельно собираются делегатские собрания, которые, по словам представителя укома В.Ф. Россомахина, «существенной пользы не приносят»⁴⁵. В Нолинском уезде работа женотдела в городе ведется «удовлетворительно». Несмотря на то, что отделы организованы в 15 волостях, работа в них «почти не ведется». «Хорошо» велась работа в зимнее время в Орловском уезде. В Советском и Вятском уездах – ведется слабо⁴⁶. В Слободском уезде работа среди женщин не проводилась «и сейчас не проводится из-за отсутствия работников». Женотдел имеется только в одной волости – Селезеневской. В Котельничском уезде работа за последнее время «остановилась ввиду мобилизации многих работников», в Северо-Вятском горном округе (СВГО) – «не налажена». В Воткинске женотдел ведет «кой-какую работу». Представители Ижевского района и Сарапульского уезда обошли работу среди женщин молчанием⁴⁷.

На III губернском совещании по работе в деревне (август 1920 г.) с докладом о работе губернского женотдела выступила Загорская. По ее словам, губженотдел (ГЖО) в последнее время «фактически существовал на бумаге. На местах работа идет бессистемно, плана нет...». Партийные товарищи «слишком мало времени уделяют внимание на работу среди женщин...»⁴⁸. Представительница Уржумского уездного женотдела (УЖО) Волконская отмечала, что женотдел «бездействует вследствие частой перемены заведующей». Связи «с местами не имеется, чувствуется оторванность от губернского центра, руководящей линии последний не дает»⁴⁹.

На пленуме губкома РКП(б) 29 августа 1920 г. в докладе о работе ГЖО отмечалось, что «от заведующей Сталь не осталось никакого организационного наследства. Принимаются меры по налаживанию работы как в губернии, так и на местах»⁵⁰. На III губернском совещании по работе в деревне (август 1920 г.) было решено, что губернский и уездные комитеты РКП(б) выделяют одного члена, который ведет работу среди женщин. В ГЖО образуется коллегия в составе заведующего, двух инструкторов и делопроизводителя, в уездном отделе – заведующий, инструктор, освобожденный от всех других работ, и секретарь. В волостях женотделы вновь не создавать, а всю работу поручить ответственным волорганизаторам и секретарям ячеек РКП(б)⁵¹. Несмотря на принятые решения работа женотделов губернии осенью 1920 г. еще не наладилась. Об этом свидетельствует отчет ГЖО за октябрь 1920 г. Так, сведения о собраниях и конференциях работниц уездов и волостей отсутствуют, а общее количество собраний делегатов по губернии – «неизвестно».

Общее отношение женщин, как работниц, так и крестьянок «враждебное». Поэтому, женотдел «работает весьма плохо»⁵².

Итоги работы женотделов в первой половине 1921 г. подвели участники III губернского совещания заведующих женскими секциями (июнь 1921 г.). Заведующая ГЖО Н.Н. Загоскина сообщала, что, вступив в должность, «не имела никаких материалов и не получала никаких сведений из уездов, не имея в штате инструкторов». Сейчас стало ясно, что «во всех уездах работа замерла и не ведется»⁵³. В течение этого времени работали одни заведующие секциями, но и те являлись совместителями. И как бы «мы не пытались провести предписания свыше», не имея ни работников, не получая никакой помощи губкома, не смогли «проделать и часть той работы, которая должна была бы выполнена нами»⁵⁴. Из доклада представителя Яранской секции следовало, что «в отделе нет ни денег, ни материалов, ничего. Заведующая никакой инициативы не проявляет, а поручения секции не выполнены»⁵⁵.

19 ноября 1921 г. на заседании губкома РКП(б) после того, как был заслушан доклад делегатов IV Всероссийского совещания заведующих женотделами о новой структуре, постановили образовать коллегия из 5 чел. Старый аппарат ГЖО был признан «неработоспособным... Работа в отделе велась одним человеком без всякого технического аппарата, канцелярии никакой не имелось». В декабре 1921 г. цели и методы деятельности коллегии стали «яснее и понятнее», однако работа в коллегии велась лишь одним бывшим заведующим ГЖО⁵⁶.

Одной из существенных особенностей в организации и деятельности женотделов стала цикличность, что обусловлено сезонными сельскохозяйственными работами крестьянского населения. Так, в Орловском уезде работа среди женщин зимой «поднималась», а в связи с весенними работами «начинает замирать»⁵⁷. В Малмыжском уезде зимой 1919 г., по словам секретаря Репиной, бюро «прекрасно работало», а с наступлением лета его деятельность прекратилась⁵⁸. Заведующая Яранской уездной женсекцией М.В. Сарычева сообщала в губернский женотдел 24 августа 1921 г.: «В деревне крестьянки заняты сельхозработами, поэтому отчет за август посылать не буду, а ограничусь этой бумажкой»⁵⁹. В отчете ГЖО за июль-август 1921 г. отмечалось, что в Орловском, Яранском, Омутнинском, Котельничском и Вятском уездах женработа «совершенно не велась», в Малмыже и Уржуме – велась «очень слабо»⁶⁰. На общем собрании работниц Советска 7 сентября 1920 г. отмечалось, что «в последнее время уездный женотдел бездействовал», так как заведующая отделом Белобородова болела и была перегружена работой в здравотделе. Работницы постановили отозвать Белобородову из отдела для

работы «исключительно в уженотделе»⁶¹.

Подводя итог организации женотделов в Вятской губернии следует отметить, что об их систематической деятельности можно говорить только начиная с 1920 г. Не случайно, когда в марте 1921 г. Отдел работниц ЦК РКП(б) предложил прислать отчет, то ГЖО ничего не смог сообщить о работе в течение всего 1919 г.⁶² В конце 1921 г. в губернии насчитывалось 17 женсекций: одна губернская, пятнадцать уездных и одна окружная. Причем, если штат губернской секции был определен в 8 чел. (заведующая, секретарь, делопроизводитель и 5 инструкторов), то в 9 уездах – 5 чел. В 5 уездах в штате инструкторов вообще не было⁶³.

* * *

Проанализируем роль женотделов в системе партийных органов. На II окружном съезде женщин-работниц СВГО, состоявшемся в начале марта 1920 г., отмечалась «слабая помощь» со стороны партийных ячеек⁶⁴. В Малмыжском уезде волостные активистки в 1920 г., по словам заведующей УЖО Л.В. Футьяновой, «неоднократно призывали работников деревни, членов волостных коммунистических ячеек принять участие в работе среди крестьянок, но результаты работы плачевные. Ни один организатор и член ячейки РКП(б) ни в чем себя не проявил...». Руководителям волостных организаций РКП(б), членам волисполкомов высылались печатные материалы, в том числе и «День работницы», но, по сведениям, они «не попадали в руки работниц, а искуривались советскими и партийными работниками»⁶⁵. Не изменилось отношение и в 1921 г. В докладе заведующей Малмыжской секции В.П. Лучихиной о работе за апрель 1921 г. отмечалось, что организации РКП(б) «оказывают слишком слабое содействие, да почти никакого, так как работников нет; они перегружены всевозможными заданиями»⁶⁶. На III уездном съезде работниц и крестьянок Орловского уезда (февраль 1921 г.) представитель укома РКП(б) В.П. Сыкут в заключительном слове рассказал о росте женского движения и высказался в адрес некоторых мужчин: «не правы те мужчины, которые говорят, что женщины ничего не понимают в делах советского строительства»⁶⁷.

Отзываясь на слабую поддержку женотделов, губком партии 23 мая 1921 г. направил во все укомы циркуляр, призванный обратить внимание на важность работы среди женщин. В частности, в циркуляре предлагалось «вернуть на должность заведующих секций более или менее развитых товарищей», обратить самое серьезное внимание на работниц-делегаток, командированных в советские учреждения, обеспечить их жалованием, пайком и т.д. Труд крестьянок и безработных должен оплачиваться из фонда женсекции⁶⁸. Несмотря на требования губкома РКП(б) женские

организации не получали должной поддержки со стороны партийных организаций. По словам заведующей губернским женотделом Н.Н. Загоскиной в июне 1921 г., «красной нитью проходит по всем уездам, кроме Слободского, что работа велась без руководства со стороны уездных комитетов РКП(б)». Поддержки со стороны волостных ячеек «не видно почти нигде»⁶⁹.

Примечательно, как развивался процесс взаимодействия Слободского укома и женской секции в 1920–1921 гг. В докладе уездной секции выделялись 3 стадии, соответствующие трем составам укома. Первая стадия – «ироническое, порой насмешливое отношение укома, назначившего неопытную заведующую». В это время уком всемерно опекал женотдел, что и выразилось в его развитии «черепашьими шагами». Во второй стадии со стороны укома было «снисходительное отношение», женсекция смогла проявлять инициативу, проводятся делегатские собрания. В результате численность организованных работниц и крестьянок достигла 2675 чел. На третьей стадии удалось достичь «полного контакта» в работе, зав секцией стала членом укома. В это время формируется структура женсекции, устанавливается связь с волостями. Женская секция провела большой объем работы, в частности, за первые шесть месяцев 1921 г. состоялось 18 делегатских собраний⁷⁰.

В конце 1921 г. по словам заведующей губженотделом Суминой «в вятских партийных сферах было определено ликвидаторское настроение по отношению к женотделам», что особенно проявилось во время подготовки губернского совещания женорганизаторов⁷¹. Сумина трижды обращалась в разные инстанции, чтобы делегаткам предоставили комнаты для проживания⁷². Негативное отношение проявилось и со стороны советских учреждений, куда для работы направлялись делегатки. 9 октября 1921 г. Сумина жаловалась в губернский совет профсоюзов на условия, в которых оказываются делегатки. В частности, в советских учреждениях их лишают прав членов союзов, «отказывая во всем». И это – «общее явление»⁷³. 20 августа 1921 г. циркуляр ЦК РКП(б) предписал всем губкомам руководствоваться положением о ГЖО, опубликованным в «Бюллетене ЦК РКП(б) № 12 за 1921 г. и «ни в коем случае не допускать ликвидации этих отделов»⁷⁴.

Отношение партийных руководителей к женотделам носило, порой, формальный характер, что проявилось и в отношении к их сотрудникам. В начале октября 1920 г. ГЖО командировал в Малмыж для инструктирования женских организаций уезда Александру Ефремову. Перед отъездом ее напутствовал секретарь губкома С.П. Барышников, заметив, что в такую дальнюю поездку она была одета не по погоде. В письме в ГЖО Ефремова писала, что «всю дорогу

мерзла в этом коротком пальто и в ботинках без галош». Как только выехала из Уржума «стало ужасно холодно, и пошел снег. Я не стерпела и побежала прямо со слезами на глазах». И она подумала, что над ней губком просто «насмехается»: «Неужели для меня на пальто нельзя было достать каких-нибудь 5–6 аршин материи, ведь я по возможности работаю, что только могу». И тогда ей пришла мысль, что над ней смеются потому, что она дочь «проклятого поповства», причем «беднейшего из всех попов»! И если бы отец был богатым, то все было бы иначе⁷⁵. Партийные работники как «солдаты партии» должны были стойко переносить все тяготы жизни. Несмотря на то, что Ефремова готовила себя к испытаниям – прошла обучение Всеобуча и верховой езде – этого явно оказалось недостаточно⁷⁶.

В отношении к женщинам руководящие партийные работники иногда проявляли самодурство. Женщинам, учительницам Рохинской волости Вятского уезда, на профсоюзном собрании «нельзя было ни говорить на собрании, ни молчать, даже улыбаться. Если говоришь, то это – явная агитация, если молчишь – тайная агитация, если улыбаешься – то насмехаешься...»⁷⁷.

Порой женские организации выполняли специфическую роль, помогая решению сложных семейных отношений. Так, бюро работниц Малмыжского укома РКП(б) весной 1919 г. направило письмо члену партии Семенову, потребовав от него объяснить его роль в возникновении беременности «бывшей жены Трухиной». Так как Семенов в ответном письме высказал сомнение, то бюро потребовало от него «обеспечить брошенную жену с ребенком в известный период времени»⁷⁸. Часто женотделы становились своеобразным бюро жалоб. В августе 1921 г. крестьянка Орловского уезда Верхошижемской волости Н.Д. Трушкова жаловалась на то, что ей выделили неудобный участок земли. ГЖО был вынужден просить губернский земельный отдел оказать Трушковой содействие⁷⁹.

Недостаток организаторов женского движения приводил к тому, что должности в женотделах часто были не замещены, а если и были партработники, то они имели множество совмещений. Поэтому времени на работу среди женщин уделялось недостаточно. В Малмыжском уездном женотделе, по словам заведующей Л.В. Футьяновой, в 1920 г. «заведующие менялись почти каждый месяц, так как уком назначал всегда лиц, перегруженных работой, и ни одна из заведующих не проявляла никакой инициативы»⁸⁰. На расширенном заседании пленума Котельничского укома партии 15 февраля 1921 г. в ходе доклада ответственного секретаря выяснилось, что партийную работу в комитете он проводил один, а работа женотдела «не доходила до мест»⁸¹. Заведующая женской секцией в Нолинске в мае 1921 г. Е.К. Исупова жаловалась в отчете, что в коллегии, кроме нее,

«работников нет». Поэтому работа в волостях «совершенно не ведется»⁸². 23 апреля 1921 г. в докладе женской секции Уржума отмечалось, что дать отчет о проделанной работе за ноябрь и декабрь 1920 г., январь-апрель 1921 г. «не можем ввиду болезни заведующей секцией»⁸³. 7 декабря 1921 г. Вятский уком РКП(б) сообщал в губком, что заведующая УЖО Мария Хацкевич – совместитель, «другого же свободного работника подыскать не смогли. Штат инструкторов не создан»⁸⁴.

Когда кадровый голод достигал своего апогея, и требовалось выполнения соответствующих указаний вышестоящих партийных органов, то комитеты поручали мужчинам «женскую» работу. 26 декабря 1919 г. в состав отдела Малмыжского укома по работе среди женщин был введен инспектор труда И.Т. Девятов⁸⁵. 22 марта 1920 г. руководителем ГЖО был назначен М.Н. Коковихин, работавший в 1919 г. в составе Омутнинского окружка партии.

Выдающиеся женские способности «не были использованы в должной мере правящим режимом, «слишком занятым», чтобы на каждом этапе гарантировать равноправие женщин»⁸⁶. В 1924 г., после семи лет советской власти, в партии было «всего лишь 8,2% женщин»⁸⁷. В губкоме партии в конце 1918 – июне 1920 гг. на руководящей должности – заведующая женотделом – работала только одна женщина – Сталь. В течение осени 1918 – осени 1920 г. она становится членом губкома партии, руководителем губернского бюро работниц и ГЖО. Осенью 1921 г. в состав Вятского губкома была введена белоруска З.А. Прищепчик, ставшая заведующей учебной частью губернской совпартшколы⁸⁸. После отъезда Сталь руководство ГЖО поручили Н.Н. Загоскиной (1920–1921), уроженке Вятской губернии, крестьянского происхождения. В ее партийной характеристике подчеркивалось, что Загоскина марксизм знает слабо, «имеет настойчивость и умение обхватывать работу. В подборе работников чутья особенного не имеет»⁸⁹.

Среди руководителей уездных парторганизаций 1919–1921 гг. можно встретить только одну женщину – Е.И. Шишкину, уроженку с. Чудиново Орловского уезда⁹⁰. Несмотря на то, что она «марксистской подготовки не имела» и «лекции читать не могла», ее избрали ответственным секретарем Орловского укома в 1919–1922 гг. Шишкина, судя по партийной характеристике, обладала всеми качествами, необходимыми для партийной карьеры⁹¹.

Женщины-коммунистки не проявляли большого желания помогать в деятельности женотделов. Женская секция в Яранске в сентябре 1920 г. состояла из 16 коммунисток и все они, по словам заведующей Мухачевой, занимали ответственные посты. Никого из коммунисток «взять себе в секцию не удастся»⁹². Женщины-комму-

нистки Слободского уезда, по словам заведующей УЖО (сентябрь 1920 г.), делегатские собрания «посещают неаккуратно»⁹³. Отношение делегатов к мужчинам-коммунистам – неблагоприятное⁹⁴. 20 марта 1921 г. на заседании Слободской уездной женсекции укома обсуждался вопрос о женщинах-коммунистках, уклоняющихся от заседаний и собраний по неуважительным причинам. В постановлении подчеркивалось, что нарушителей дисциплины нужно «посылать на принудительные субботники»⁹⁵. Ситуация не изменилась и летом 1921 г. По словам заведующей губернской коллегией ГЖО Загоскиной, «женщины-коммунистки в женских организациях не работают, так как они заняты на советской работе»⁹⁶.

«Женский» взгляд на партийную работу, порой, отличался от мужского. В партийных организациях после революции 1917 г., когда многие коммунисты, как говорится, с головой ушли в работу Советов, им стало затруднительно выполнять партийные обязанности. Весной 1920 г. в Советске активно работала большевичка с дореволюционным стажем М.И. Ушацкая, являвшаяся членом ревизионной комиссии укома партии. Она часто выступала на партийных собраниях и заседаниях укома, критикуя своих товарищей по партии⁹⁷. В частности, 8 июля 1920 г. на заседании укома она заявила протест против такого ведения комитетом дел, когда «... каждый занят своей работой в отделе» уисполкома, а когда нужно выполнять постановления ЦК РКП(б), то «всё сваливают на секретаря укома, а потом все его ругают, в том числе, и члены комитета»⁹⁸. Вероятно, это не понравилось «мужскому» большинству, и, как результат, с 6 сентября 1920 г. Ушацкая «нигде не работает»⁹⁹.

Женщины-делегатки обращали внимание на злоупотребление общими рассуждениями тех или иных ответственных партработников и проявляли интерес к решению практических вопросов. На делегатском собрании работниц и крестьянок Уржумского уезда 28 марта 1920 г. содержалось обращение к ответственным работникам РКП(б), в котором подчеркивалось: оказывать энергичное содействие делегаткам, помня, «что работница и крестьянка еще более, чем рабочий и крестьянин, практик и реалист»¹⁰⁰. Женская секция при Орловском укоме РКП(б) 2 апреля 1921 г. в своем отчете подчеркивала, что женщины Орлова ко всем собраниям и беседам относятся «с вниманием в том случае, если видят в них какую-либо пользу: пайки, мануфактура, обувь»¹⁰¹.

Обращалось внимание и на недостатки составления анкет, которые создавали искаженную картину. Осенью 1920 г. ГЖО разослал по уездным секциям анкеты, собирая информацию о сотрудниках. Один из вопросов был сформулирован таким образом: В какой области работы среди женщин больше работала. Заведующая

женской секцией в Яранске М.В. Сарычева назвала его «очень странным; работая среди женщин, приходится касаться всех областей советского строительства»¹⁰².

Женщины вносили порой тонкую иронию в патриархальную атмосферу партийных организаций. В 1920 г. в Орловский уком партии поступил протест члена партии Ковина на действия секретаря оргбюро по перерегистрации Е.И. Шишкиной. Дело в том, что Ковина возмутила запись в его партийном билете о том, что он рядовой. На открытом партийном собрании, когда утверждалось решение оргбюро по приему в партию, Ковин заявил, что свою революционную деятельность он начал еще при царе, а с февраля 1918 г. занимал ответственные партийные и советские должности. В ответ Шишкина попросила Ковина принести партийный билет и, если ему нужно, то она впишет ему титул генерала от инфантерии¹⁰³.

В 1918–1919 г., как правило, централизованного финансирования женской работы не было. Сотрудники получали жалование там, где они состояли на основной работе. Так, члены отдела по работе среди женщин в Малмыже в конце 1919 г. Ф.И. Тупоногова, В.П. Лучихина и Подольская получали жалование в отделе народного образования уисполкома, в котором и состояли на службе¹⁰⁴. По смете на 1921 г. работа среди женщин как отдельная статья расходов не выделялась, а рассматривалась в рамках финансирования агитации и пропаганды. Львиная доля средств уходила на развитие агитационного и организационного отделов; финансирование развития структуры отделов по работе среди женщин обеспечивалось по остаточному принципу. Отдельной статьей было прописано финансирование лишь личного состава женотделов губкома и укомов¹⁰⁵. На 1922 г. ситуация улучшилась: была составлена отдельная смета, в которой выделено 55 отдельных штатных единиц: кроме губернского отдела и 10 уездных появились 18 райотделов. В губернском и уездных отделах были также предусмотрены ставки инструкторов и технических сотрудников. В смету закладывались канцелярские расходы, расходы на проведение двух губернских и 20 уездных съездов. Общая сумма – 750 млн. руб.¹⁰⁶

Таким образом, можно сделать вывод, что становление специализированных органов по работе среди женщин происходило в условиях господства патриархальной культуры в крестьянских по социальному составу организациях РКП(б), многие члены которых прошли не одну войну. В результате женотделы были поставлены в положение вспомогательных учреждений партии. В местных парторганизациях женщин было немного, а среди ответственных партийных работников их насчитывалось единицы. Мужчины-руководители не могли представить женщину в роли авторитетного

и эффективного руководителя. Женщинам в партии отводились «вторые роли». Правда, в организациях уже стали появляться «железные» женщины-большевички.

Примечания Notes (Endnotes)

1. Градскова Ю.В. «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности. Москва: Компания Спутник+, 1999. 158 с. URL: <http://www.genderstudies.info/social/s01.php> (дата обращения: 15.04.2024); *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.; *Алферова И. В.* «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти. 1917–1927 гг.). Автореф. дисс.... док.ист. наук. СПб., 2011.; *Мирошниченко М.И.* Содержание первой советской гендерной модели в 1920-е гг. // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки.* 2015. № 1. С. 35–42.

2. *Алферова И.В.* «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти. 1917–1927 гг.). С. 17.

3. *Котылев А.Ю.* «Мальчишка, люби Революцию...». Гендерный аспект развития российской культуры 1917–1933 гг. // *Гендер и общество в истории / под ред. Л.П. Репиной, А.В. Стоговой, А.Г. Суприянович.* СПб.: Алетей, 2007. С. 630.

4. Градскова Ю.В. «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности. Москва: Компания Спутник+, 1999. 158 с. URL: <http://www.genderstudies.info/social/s01.php> (дата обращения: 15.04.2024).

5. *Морозова О.М., Трошина Т.И.* Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин // *Новейшая история России.* 2016. Т. 2. С. 10, 11.

6. *Бороздина Н.А.* Деятельность женотделов в 1919–1929 годах: опыт и уроки (На материалах партийных и советских организаций Архангельской и Вологодской губерний). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ленинград, 1991. 16 с.

7. *Долидович О.М.* Женотделы Енисейской губернии в 1921–1930 гг. // *Женщина в российском обществе.* 2014. № 3. С. 20–27.

8. *Хлопова А.В.* Женский вопрос в «культурной революции» (по материалам Вятского региона) // *Современные проблемы науки и образования.* 2012. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/104-6471> (дата обращения: 15.04.2024).

9. *Леви Дж.* К вопросу о микроистории // *Современные методы преподавания новейшей истории.* М.: ИВИ РАН, 1996. С. 169, 172

10. *Репина Л.П.* Персональная история: биография как средство исторического познания // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 1999 / под ред. Ю. Л. Бессмертного и М. А. Бойцова.* М.: РГГУ, 1999. С. 98.

11. Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник.

СПб.: Институт Российской истории РАН; «Блиц», 1995. С. 18.

12. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. П-1. Оп. 3. Д. 176. Л. 18.

13. ЦГАКО. Ф. 1139. Оп. 2. Д. 3. Л. 1 об., 2.

14. ЦГАКО. Ф. П-6810. Оп. 1. Д. 181. Л. 7.

15. *Ленивихина Н.О.* Партийное руководство «женской активностью» в 20-е гг. XX в. (на примере Нижневолжского региона) // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2015. № 5(100). С. 292.

16. Большевики. Письма Анны Кравченко и Александра Спундэ (1917–1923) // *Новый мир*. 1986. № 2. С. 213.

17. *Толстой Л. Н.* Письмо В.Г. Черткову. 17-18 апреля 1886 г. // Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 85. М.: Государственное изд-во «Художественная литература», 1935. С. 348–349.

18. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 165.

19. За власть Советов: сборник воспоминаний старых большевиков. Киров. 1957. С. 78.

20. Вятская мысль. 1917. 12 августа.

21. За власть Советов: сборник воспоминаний старых большевиков. Киров. 1957. С. 78–79.

22. *Котылев, А.Ю.* «Мальчишка, люби Революцию...». Гендерный аспект развития российской культуры 1917–1933 гг. С. 630.

23. ЦГАКО. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 20. Л. 7.

24. ЦГАКО. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 4. Л. 70.

25. ЦГАКО. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 4. Л. 86 об.

26. ЦГАКО. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 4. Л. 88.

27. ЦГАКО. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 4. Л. 109 об.

28. ЦГАКО. Ф. П-14. Оп. 2. Д. 24. Л. 30.

29. ЦГАКО. Ф. П-14. Оп. 2. Д. 51. Л. 17.

30. ЦГАКО. Ф. П-4112. Оп. 19. Личное дело Т. Е. Потехиной.

31. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

32. ЦГАКО. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 34. Л. 22 об.

33. ЦГАКО. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 34. Л. 15.

34. ЦГАКО. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 170. Л. 35.

35. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 388. Л. 3.

36. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 54. Л. 41.

37. ЦГАКО. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 170. Л. 35.

38. ЦГАКО. Ф. П-14. Оп. 2. Д. 12. Л. 87 об.

39. ЦГАКО. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 102. Л. 195.

40. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 401. Л. 9.

41. Вятская правда. 1920. 5 июня.

42. *Воронина М.В.* Политика партии большевиков по «женскому вопросу», 1917–1930 гг. // *Гуманитарный акцент*. 2020. № 4. С. 77.

43. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 397. Л. 1.

44. ЦГАКО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 30. Л. 141 об.

45. Вятская правда. 1920. 10 июня.

46. Вятская правда. 1920. 11 июня.
47. Вятская правда. 1920. 12 июня.
48. Вятская правда. 1920. 8 августа.
49. Вятская правда. 1920. 31 июля.
50. Вятская правда. 1920. 2 сентября.
51. Вятская правда. 1920. 10 августа.
52. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 400. Л. 6.
53. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 196. Л. 13.
54. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 196. Л. 13 об.
55. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 196. Л. 17.
56. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 209. Л. 107.
57. ЦГАКО. Ф. П-14. Оп. 2. Д. 12. Л. 87 об.
58. ЦГАКО. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 56 а. Л. 15.
59. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 207. Л. 26.
60. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 198. Л. 17.
61. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 400. Л. 5.
62. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 209. Л. 41.
63. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 208. Л. 29, 29 об.
64. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 398. Л. 6.
65. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 201. Л. 4 об.
66. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 201. Л. 19.
67. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 203. Л. 11.
68. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 192. Л. 19.
69. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 196. Л. 19 об.
70. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 196. Л. 28, 28 об.
71. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 194. Л. 6.
72. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 194. Л. 20, 32, 59.
73. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 194. Л. 89.
74. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 192. Л. 31.
75. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 403. Л. 99.
76. ЦГАКО. Ф. П-4112. Оп. 19. Личное дело А. И. Ефремовой.
77. ЦГАКО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 116. Л. 40.
78. ЦГАКО. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 34. Л. 60, 61.
79. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 194. Л. 200.
80. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 201. Л. 4 об.
81. ЦГАКО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 18. Л. 2 об.
82. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 202. Л. 60, 75.
83. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 209. Л. 38.
84. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 194. Л. 220.
85. ЦГАКО. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 18. Л. 82.
86. *Стейтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. С. 443.
87. *Стейтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. С. 441.
88. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 233. Л. 108.
89. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 10. Д. 292. Л. 7.
90. Политические лидеры Вятского края. Биографический

справочник. Киров, 2009. С. 97.

91. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 10. Д. 1158. Л. 6.
92. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 402. Л. 18.
93. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 399. Л. 18.
94. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 399. Л. 19.
95. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 204. Л. 131.
96. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 196. Л. 19 об.
97. ЦГАКО. Ф. П-13. Оп. 8. Д. 8. Л. 6, 14.
98. ЦГАКО. Ф. П-13. Оп. 8. Д. 5. Л. 48 об.
99. ЦГАКО. Ф. П-4112. Оп. 19. Д. 8. Личное дело М.И. Ушацкой.
100. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 401. Л. 10 об.
101. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 203. Л. 1.
102. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 207. Л. 28.
103. ЦГАКО. Ф. П-14. Оп. 3. Д. 39. Л. 22 об.
104. ЦГАКО. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 18. Л. 82.
105. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 220. Л. 8, 10, 13, 28.
106. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 195. Л. 6.

Автор, аннотация, ключевые слова

Тимкин Юрий Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, юридический институт, Вятский государственный университет (Киров)

ORCID ID: 0000-0003-4584-1439 timkin@mail.ru

Эмансипация женщин, приобщение их к общественно-политической жизни, приобретение ими политической субъектности сохраняет свою актуальность в виду неисчерпаемости темы, вызванной как слабой изученностью регионального уровня, так и положением женщин-большевиц в партийных организациях. Работа написана на основе архивных материалов Центрального государственного архива Кировской области, впервые вводимых автором в научный оборот. Автор использует метод микроистории для изучения судеб первых женщин-большевиц, а так же институционный метод при рассмотрении возникновения и начального периода деятельности женотделов и женских секций партийных комитетов. Цель работы – исследование процесса становления отделов по работе среди женщин местных партийных организаций. Автор поставил следующие задачи: анализ биографий первых большевиц в местных парторганизациях и исследование процесса становления женотделов в 1919–1921 гг. и его особенностей. Анализ биографий первых женщин-большевиц в местных парторганизациях позволяет заключить, что женщины часто воспринимались мужчинами не как «товарищи по борьбе», а как объекты «вожделения», конкурентки, а также лица, занятые чем-то, мало значащим. В первые годы советской власти «мужские» по своим ценностям местные партийные организации крестьянского по

социальному составу региона России, с одной стороны, инспирировали женскую активность, а с другой – стремились ограничить ее, поставив женотделы в положение вспомогательных учреждений партии. Проведенный анализ показал, что становление женотделов и волостных женских организаций шло с большим трудом: минимальные штаты, наличие множества совмещений, перегруженность советской работой, нехватка квалифицированных организаторов, слабая помощь со стороны партийных организаций, а порой и отсутствие таковой. Деятельность женотделов сталкивалась с теми же проблемами, что и все партийные и советские организации на селе, – цикличностью в работе, обусловленной аграрным характером региона, кадровым «голодом», низким уровнем культуры и политической безграмотностью. В местных парторганизациях женщин было немного, а среди ответственных партийных работников их насчитывалось единицы. Женщины, руководившие деятельностью женотделов, как правило, были приезжими, пролетарского происхождения, что затрудняло выстраивание коммуникации с женщинами-крестьянками. Несмотря на это, среди молодых женщин и девушек росло количество тех, кто активно стремился включиться в деятельность женских организаций. В крестьянской патриархальной культуре мужчины-руководители не могли представить женщину в роли авторитетного и эффективного руководителя. Женщинам в партии отводились «вторые роли».

Вятская губернская организация РКП(б), женотделы, женщины-большевички, женщины-крестьянки, партийные комитеты

The emancipation of women, their involvement in socio-political life, and their acquisition of political subjectivity is actual because the problem isn't studied thoroughly, which is caused by both the limited study of the regional level and the position of female Bolsheviks in party organizations. The work is written on the basis of archival materials from the Central State Archives of the Kirov Region, which were introduced into scientific works for the first time by the author. The author uses the microhistory method to study the fates of the first female Bolsheviks, as well as the institutional method to examine the emergence and initial period of activity of women's departments and women's sections of party committees. The purpose of the work is to study the process of establishing women's departments in local party organizations. The author sets the following objectives: to analyze the biographies of the first female Bolsheviks in local party organizations and to study the process of establishing women's departments in 1919-1921 and its specific features. The analysis of the biographies of the first female Bolsheviks in local party organizations allows us to conclude that women were often perceived by men not as «comrades in the struggle», but as objects of «desire», competitors, and also persons engaged in something of little significance.

8. In the first years of Soviet power, «masculine» local party organizations of the peasant region of Russia, on the one hand, inspired women's activity, and on the other hand, tried to limit it, putting women's departments in the position of auxiliary institutions of the party. The analysis showed that the formation

of women's departments and volost women's organizations was very difficult: minimal staffing, the presence of many combinations, overload of Soviet work, a shortage of qualified organizers, weak assistance from party organizations, and sometimes the absence of it. The activities of women's departments faced the same problems as all party and soviet organizations in the countryside - cyclical nature of work due to the agrarian the region, personnel «hunger», low level of culture and political illiteracy. There were a few women in local party organizations, and very few among senior party members. The women who managed the activities of women's departments, as a rule, were newcomers, of proletarian origin, which made it difficult to build communication with peasant women. Despite this, the number of young women and girls who actively tried to get involved in the activities of women's organizations was growing. In the peasant patriarchal culture, men-managers could not imagine a woman in the role of influential and effective leader. Women in the party were given «secondary roles».

Vyatka Provincial Organization of the Russian Communist Party (Bolsheviks), women's departments, women-bolsheviks, peasant women, party committees

Author, Abstract, Key words

Yuri N. Timkin – PhD (History), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Vyatka State University (36, ul. Moskovskaya, Kirov, Russia, 610000)

ORCID ID: 0000-0003-4584-1439

timkin@mail.ru

References

1. *Alferova I.V.* «Zhenskii vopros» v teorii i praktike bol'shevizma (pervoe desyatiletie sovetsoi vlasti. 1917–1927 gg.). [The «Women's activity» in the theory and practice of Bolshevism (the first decade of Soviet power. 1917–1927)]. Abstract of Dr. Hist. Sci. Diss. St. Petersburg, 2011, 34 p. (in Russ.)

2. *Borozdina N.A.* Deyatel'nost' zhenotdelov v 1919–1929 godakh: opyt i uroki (Na materialakh partiinykh i sovetskikh organizatsii Arkhangel'skoi Vologodskoi gubernii). [The activity of women's departments in 1919–1929: experience and lessons (Based on the materials of party and Soviet organizations of the Arkhangelsk and Vologda provinces)]. Abstract of Cand. Hist. Sci. Diss. Leningrad, 1991, 16 p. (in Russ.)

3. *Dolidovich O.M.* Zhenotdely Eniseiskoi gubernii v 1921–1930 gg. [Women's departments of the Yenisei province in 1921–1930]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [A woman in Russian society], 2014, no. 3, pp. 20–27 (in Russ.)

4. *Gradskova YU.V.* «Obychnaya» sovetskaya zhenshchina – obzoro pisaniy identichnosti [The «Ordinary» Soviet Woman: A Review of Identity Descriptions]. Moscow: Kompaniya Sputnik+, 1999, 158 p. (in Russ.)

5. *Khlopova A.V.* Zhenskii vopros v «kul'turnoi revolyutsii» (po materialam Vyatskogo regiona) [The women's issue in the «cultural Revolution» (based on materials from the Vyatka region)]. *Sovremennye problem nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2012, no. 4, pp.1–8 (in Russ.)

6. *Kotylev A.Yu.* «Mal'chishka, lyubi Revolyutsiyu...». Gendernyi aspect razvitiya rossiiskoi kul'tury 1917–1933 gg. [«Boy, love the Revolution...». The gender aspect of the development of Russian culture in 1917–1933]. In: *Gender iobshchestvo v istorii* [Gender and society in history] / ed. by L. P. Repina, A.V. Stogova, A. G. Suprianovich. St. Petersburg: Aleteya, 2007, p. 621–657 (in Russ.)

7. *Lenivikhina N.O.* Partiinoe rukovodstvo «zhenskoi aktivnost'yu» v 20-e gg.XXv.(naprimereNizhnevolzhskogoregiona)[Theparty leadershipof«women's activism»inthe20softhe20thcentury.(usingtheexampleoftheLowerVolgaregion)].*Izvestiya Volgogradskogogosudarstvennogopedagogicheskogouniversiteta* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University], 2015, no. 5 (100), pp.287–294 (in Russ.)

8. *Levi Dzh.* K voprosu o mikroistorii [On the Question of Microhistory]. In: *Sovremennye metody prepodavaniya noveyshei istorii* [Modern Methods of Teaching Contemporary History]. Moscow: Institute of Historical Studies of the Russian Academy of Sciences, 1996, pp. 167–190 (in Russ.)

9. *Miroshnichenko M.I.* Zhenshchiny na Urale v 1920-e gg. – seredine 1930-kh gg: struktury sotsiuma, mirovozzrenie, deyatel'nost'. [Women in the Urals in the 1920s – mid-1930s: structures of society, worldview, activity]. Abstract of Cand. Hist. Sci. Diss. Chelyabinsk, 2016, 50 p. (in Russ.)

10. *Morozova O.M., Troshina T.I.* Zhenskii vzglyad na muzhskuyu rabotu. Revolyutsiya i grazhdanskaya voina glazami i v sud'bakh zhenshchin [A woman's view of men's work. Revolution and civil war through the eyes and destinies of women]. *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia], 2016, vol. 2, pp.8–30. (in Russ.)

11. *Repina L.P.* Personal'naya istoriya: biografiya kak sredstvo istoricheskogo poznaniya [Personal history: biography as a means of historical knowledge]. In: *Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii – 1999* [An incident. Individual and unique in history – 1999] / ed. by Yu. L. Bessmertny and M. A. Boitsov. Moscow, RGGU, 1999, p. 76–100 (in Russ.)

12. *Stais R.* Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nigilizm i bol'shevizm, 1860–1930 [Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism]. Moscow, ROSSPEN, 2004, 616 p. (in Russ.)

13. *Voronina M.V.* Politika partii bol'shevikov po «zhenskomu voprosu», 1917–1930 gg. [The policy of the Bolshevik Party on the «women's question», 1917–1930]. *Gumanitarnyi aktsent* [Humanitarian focus], 2020, no. 4, pp.74–78. (in Russ.)